

ПУБЛИКАЦИИ

Алла Грачева

О НЕОБЫЧАЙНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ БЛАГОРОДНЫХ ВОЖДЕЙ ПАНТЕРЫ, СЕРЖАНТА И ИХ ДРУЗЕЙ В ГОРАХ ЛУИЗИНА, ЛЕСАХ СИДОНИИ И В АМЕРИКАНСКИХ ПРЕРИЯХ: ДЕТСКАЯ ПРОЗА АКАДЕМИКА С. Ф. ПЛАТОНОВА

В статье рассмотрены сохранившиеся в личном архиве С. Ф. Платонова прозаические произведения, написанные в период обучения будущего академика в старших классах гимназии. В центре внимания находится так называемый «луизинский» цикл, созданный Платоновым в 1873–1875 гг. Произведения этого цикла (выпуски самодельной газеты «Луизинский Вестник», два эссе «Беседы о Луизине» и миниатюрная повесть «В прериях») связаны с летним пребыванием Платонова на даче в местечке Луизино под Санкт-Петербургом. В итоге статьи сделан вывод о том, что созданный подростками «луизинский миф» являлся одним из вариантов «руссоистского мифа» о жизни естественного человека, находящегося в гармонии с природой.

Ключевые слова: академик С. Ф. Платонов, Томас Майн-Рид, русская детская литература, журналистика, приключенческая проза

Академик РАН Сергей Федорович Платонов (1860–1933) по праву входит в число корифеев российской науки. С. О. Шмидт характеризовал его так: «С уходом из жизни Ключевского в представлении и широкой общественности, и многих ученых „главой

Алла Михайловна Грачева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
ichnelat@rambler.ru

русской историографии“ становится Сергей Федорович Платонов — выдающийся исследователь и знаток истории нашего отечества (особенно XVI–XVII столетий); первоклассный лектор и наставник в семинарских занятиях — создатель научной школы... автор самых распространенных учебников по русской истории для высшей и средней школы, организатор системы образования» [Шмидт 2010, 5]. Книгам, статьям, лекционным курсам и учебникам С. Ф. Платонова были присущи не только научная фундаментальность, но и блестящий стиль изложения, яркость характеристик исторических эпох и их героев, образность авторского повествования, — все эти свойства ставили его работы на грань между «сухим» научным трудом и талантливым художественным произведением. Как же сложился, пользуясь старым университетским термином, «историко-филологический» феномен С. Ф. Платонова?

Историк науки, обращаясь к вопросу о первоисточках формирования личности того или иного выдающегося ученого, чаще всего опирается на данные автобиографий своего героя, а также на свидетельства современников, вспоминая о самом начале его жизненного пути, о влиянии на него тех или иных близких людей, учителей, наконец, книг. Но в случае С. Ф. Платонова у исследователя есть уникальная счастливая возможность обратиться к материалам обширного архива ученого, к тому же предварительно систематизированного им самим (См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Фонд. 585).

В составе этого гигантского комплекса документов сохранились и плоды литературного творчества будущего академика, относящиеся к периоду его обучения в старших классах петербургской частной классической гимназии Ф. Ф. Бычкова, в которой он учился в 1870–1878 гг. Эти произведения были написаны тогда, когда Платонову было 13–17 лет.

Большая часть имеющихся произведений — лирика [см.: Мамонова 2002, 445–446]. Поэтические опусы Платонова состоят в основном из любовной лирики, полной ходульных романтических штампов; а также из описаний природы; из патриотических стихов, связанных с русско-турецкой войной 1877–1878 гг.; из переводов и наконец из шуточных вирш. Большинство дошедших стихотворений являются подражаниями М. Лермонтову и поэтам «чистого искусства» — А. Фету и Я. Полонскому. Юный автор систематизировал свои стихи и записывал их в тетради, иногда придавая им форму законченного печатного издания, с титульным листом,

оглавлением, а в ряде случаев и с авторскими комментариями. Примечательны поздние приписки Платонова на полях этих тетрадей, замечания, сделанные им, возможно, при итоговой систематизации своего архива: «Ха-ха-ха!»; «Чепуха», «Прошу Вас, не читайте — это бред сумасшедшего», «Две или три вещи порядочные».

Кроме стихов, сохранились и опыты гимназиста Платонова в прозаических жанрах. В их число входит, например, произведение, составленное из двух компонентов: отрывка из первой части «ненаписанного романа „Не суждено“» (1877) и дополняющей его «критической статьи», подписанной псевдонимом «В. М. Сидоров» [Стихотворения 1874–1876]. Последняя была стилизована под стандарты тогдашней журнальной критики и посвящена подробному разбору содержания второй (sic!), фактически заведомо не существовавшей, части того же романа. Рассматриваемые в совокупности, «отрывок» и «статья» составляли целостный, законченный текст с «рваной» художественной структурой, встречающейся в русских романтических повестях 30-х — 40-х гг. XIX в. В состав уцелевших подростковых произведений Платонова входят также фельетоны, посвященные «внутригимназическим» темам, путевые заметки о его путешествии в Великий Новгород и одна пьеса. Если характеризовать сохранившееся платоновское творчество того времени в целом, то надо отметить интенсивное освоение молодым автором различных жанровых канонов и стилевых манер, его явную тягу к стилизаторству, через которое велся поиск *своего* стиля. «Серьезные» псевдоромантические произведения Платонова в областях поэзии, прозы и драмы отличались выпренностью, ходульностью, были насыщены «байроническими» или «фетовскими» штампами. Другие тексты, которые были связаны не с отображением придуманных «страстей», а с описанием чувств, более органичных подростковому возрасту, таких, как, например, радость верного товарищества, жажда приключений, были полны искренности, свежести, юмора и юношеского стремления к игровому преображению действительности.

Примером последнего направления творчества гимназиста Платонова является «луизинский» цикл 1873–1875 гг. Появление этого комплекса текстов было связано с летним каникулярным пребыванием Сергея в одном из предместий Петергофа — деревне Луизино, ставшей с середины XIX в. одним из популярных дачных мест петербуржцев. Ныне это историческое название части Петродворцового района Санкт-Петербурга [Гусаров 2017, 25–57]. Деревня была расположена неподалеку от железнодорожной станции Но-

вый Петергоф. Рядом с ней протекал Старопетергофский канал, отделявший Луизино от Бабигонского холма, на котором располагался дворец Бельведер с огромным парком и прудами. Приехавшие на дачу ребята одного возраста легко знакомились друг с другом. Сергей быстро стал участником дружеской компании ровесников-гимназистов. Образовался союз, состоявший из пяти друзей: Сергея Платонова, Василия Латкина, Петра Рубцова, Василия Круковского и его брата — Георгия (Юрия), который и стал лидером образовавшегося сообщества.

Духовной основой содружества стало общее увлечение подростков: «запойное» чтение приключенческих произведений Т. Майн-Рида. В 1864–1875 гг. издательство «М. О. Вольф» предприняло серьезное предприятие — публикацию двадцати четырёхтомного собрания сочинений американского писателя. Издание включало в себя его многочисленные романы и рассказы, такие, как, например, «Оцеола, вождь семинолов», «Девственные леса», «Белый вождь», «Жизнь у индейцев», «Мальчики в плену», «Степные разбойники в Техасе». Содержанием этих произведений, уже тогда прочно вошедших в круг юношеского чтения, были странствия и приключения молодых людей в странах Северной и Южной Америки; изображение знакомства подростков с природой и населением этих мест; описание дружбы героев с благородными индейцами и их совместной борьбы с белыми и краснокожими злодеями. В прозе Майн-Рида использование устаревших романтических сюжетных схем сочеталось с упрощенной идейно-философской ориентацией текстов на «руссоистский миф» о неиспорченных цивилизацией идеализированных «детях природы», живущих в органичном единстве с нею.

У Платонова и его новых дачных друзей знакомство с книгами Майн-Рида вызвало стремление как-то «освоить» столь полюбившийся им воображаемый мир и создать сходное с майн-ридовским *свое* воображаемое пространство, внутри которого они были бы максимально свободны, а также могли бы выступать как в роли его творцов, так и героев-демиургов. Итогом стало создание «луизинского мифа», содержание которого можно реконструировать на основе документов, сохранившихся в архиве Платонова.

Гимназисты-мифотворцы придумали свою особую ойкумену, существовавшую как бы независимо от реального мира, но в то же время где-то рядом, параллельно ему. Любопытно, что созданная подростками пространственная модель по ряду параметров предвосхищала миры трилогии Федора Сологуба «Творимая ле-

генда» (1905–1913). В придуманном подростками мире было два государственных образования. Одним из них являлось высокоцивилизованное и идеально устроенное государство Луизино, в котором не было безграмотных жителей, процветали науки и искусства. В число его граждан входили и пятеро друзей — «вождей», каждый из которых носил в луизинском пространстве новое имя, типологически родственное именам-прозвищам майн-ридовских краснокожих. К сожалению, в имеющихся текстах сохранились только краткие буквенные обозначения прозваний четырех луизинцев. Полностью можно восстановить только имя их предводителя: Пантера или Георгий Пантера (в реальности — Георгий Круковский). По форме правления Луизино представляло собой нечто вроде просвещенной монархии, во главе которой стоял либеральный главный «вождь» — Георгий Пантера. Столицей государства был названный в честь правителя город Георгиевск. Территория Луизина была столь обширной, что ее окраины еще оставались неизведанными. Это рождало потребность в организации луизинцами специальных научных экспедиций для исследования заповедных пространств. Самой большой и широкой рекой страны была впадающая в озеро Проточное река Вель, притоком которой была протекавшая по глубокому ущелью речка Кунтаякич. Другая река — Аяхта — впадала в озеро Чистое. На крайнем севере Луизина находилась Чертова Бездна. В стране было несколько городов (Георгиевск, Нордштадт, Драхтенбург) и сел (Катальное, Чистое, София). В неопределённой по географическим параметрам дали от метрополии располагалась ее так называемая «Петербургская колония». С южной стороны находились бескрайние, населенные дикарями леса («тайга»). Луизино имело мощную армию и было заинтересовано в охране и расширении своей территории путем присоединения прилегавших к границам лесных пространств, а также земель непосредственных соседей. Его геополитическим соперником была расположенная за ничейной «тайгой» страна Сидония. На ее территории находилось неопределенное по форме правления агрессивное государственное образование, тяготеющее к типу племенного объединения. Правил Сидонией «вождь» по имени Косые Глаза. С точки зрения цивилизованных луизинцев все жители Сидонии были необразованными дикарями. Большинство их жило в поселениях, а малая, совсем одичавшая часть скрывалась в «тайге». Отношения между обоими государствами были на грани войны и сводились к неоднократным набегам сидонцев на пограничные земли луизинцев, которые успешно отражали атаки соседей, и,

в свою очередь, совершали рейды на их владения. Территории двух государств разделяла Луизинская гряда и Каталный канал. Вокруг этих «очагов цивилизации» располагались бескрайние девственные леса и высокие горы.

Если говорить об происхождении топонимики виртуальных пространств Луизина и Сидонии, то можно заметить, что часть названий вполне достоверна и восходит к названиям городов, поселений, рек и озер в разных областях Российской империи. Некоторые из них связаны с географическими названиями петербургских окрестностей, находившихся рядом с дачным местечком Луизино. Так, например, существовал уездный городок София — ныне это обиходное название большого района вошедшего в черту Санкт-Петербурга города Пушкина, бывшего Царского Села. Возможно, фантазийный топоним «Катальный канал» скрывал реальное название — «Старо-петергофский канал», а гигантская «Луизинская гряда» была преображенным «Бабигонским холмом». Также вероятно, что если реальными прототипами луизинских могучих «вождей» и «воинов» были гимназисты-дачники, то деревенские мальчишки стали прообразами диких сидонцев. Конфликты и драки, возникавшие между приезжими из Петербурга и местными, в пространстве «луизинского мифа» трансформировались в бесконечные набеги и войны между жителями двух враждебных держав.

Письменная фиксация сведений о созданном Платоновым и его друзьями «игровом пространстве» — государствах Луизино, Сидония и окружающих их бескрайних кишаших дикарями лесах, — начинается с 1875 г. — времени появления рукописной «политической и литературной газеты» «Луизинский Вестник» [Луизинский Вестник]¹. Его редактором-издателем был указан «В. Латкин», издателем — «С. Платонов». Большинство публиковавшихся материалов было подписано псевдонимами или инициалами авторов. При этом инициалы могли быть сокращением как их настоящего имени, так и луизинского прозвания. Так, например, Платонов публиковался под инициалами и псевдонимами: «С. П.», «О. Я.», «В. Дубровский», «Serge...nt». Главный «вождь» луизинцев печатался под именем «Пантера» или под инициалами «Г. П.». Василий Латкин и Петр Рубцов — под инициалами, соответственно: «В. Л.» и «П. Р.».

Сохранилось 7 выпусков «Луизинского вестника». Как было объявлено, издание должно было выходить три раза в неделю.

В подписанной инициалами «С. П.» передовице первого номера от 1 августа 1875 г. утверждалось:

В наше время Луизино намного продвинулось вперед по пути просвещения. Еще прежде лузинцы ощутили жажду к чтению и, вместе с тем, начали образовываться, а теперь в среде их нет безграмотных. — Это великий шаг вперед со стороны нашего государства. В Луизине есть прекрасная библиотека, училища, — арсеналы наполнены новейшей системы ружьями и прочим оружием, но до сего времени в Луизине не было постоянного чтения, т. е. газет и журналов, хотя лузинцы этого и желают. Их желание исполняется. Газета с полным литературным отделом возникла. Просим же лузинцев не оставить без внимания это замечательное явление в их отчизне.

«Луизинский Вестник» был создан в полном соответствии со структурой газеты.

Открывал ее раздел «Политические события», который вел главный «вождь» лузинцев — Георгий Пантера. Он как правило, информировал своих подданных об отражении очередных происков сидонцев, а также о проведенных или предстоящих военных и научных экспедициях. Вот, например, «пропагандистская» заметка Пантеры от 5 августа 1875 г.:

Сидонцы несмотря на то, что обещали не тревожить прохожих лузинцев по Вельской дороге, изменили своему слову, а именно тем, что 5го августа этого года выстрелили в одного лузинца, шедшего мимо их, и ранили тяжело в голову. Что сие означает, мы не можем сказать, но, по всей вероятности, это обстоятельство вынудит нас снова предпринять поход против этих трусливых варваров и приучить их держать свое слово.

В этом же разделе читатели знакомились с «придворными новостями», например, им сообщалось о праздновании дня рождения матушки правителя.

Следующим по важности был раздел «По Луизину», в котором давалась информация о текущих событиях в разных областях страны. Его вел Василий Латкин («В. Л.»):

По Луизину

Петербургская колония

Из питер<бургской> кол<онии> пишут, что так как, по всей вероятности, вождь переедет в свою зимнюю резиденцию в последних числах августа, то там уже все начинают готовить для его встречи и для пребывания в ней. <...>

София

Нам пишут из Софии, что все озера, исключая Чистого, Проточного и Микеровского [?], несмотря на обильные дожди, не пополнились водою, и только в нескольких из них образовались небольшие лужи, что, конечно, очень прискорбно для прибрежных жителей. Даже Софийское озеро, которое прежде никогда не высыхало, нынешнее лето последовало общему примеру и от него осталась небольшая лужа. Скверно, осрамилось нынче это озеро. Да и не удивительно, таких жаров, как в это лето, давно не было; что уже Чистое оз<еро>, да и то сильно обмелело, так что все боялись, что вот-вот совсем останутся без воды.

В соответствии с газетными правилами «Вестник» имел литературный «подвал» с общим названием рубрики: «Фельетон». Раздел единолично вел Сергей Платонов. В первом номере была помещена подписанная инициалами «С. П.» миниатюра «Из дневника ...ского помещика Манилова». Это был стилизованный под гоголевскую прозу рассказ героя «Мертвых душ» о его путешествии вместе с критиканом Собакевичем из родного поместья в российские столицы и далее в Луизино:

Москву мы проехали, и прямо в Петербург. Город чрезвычайно хороший, какой большой, глаза разбегаются, а Мих<аил> Сем<енович> [Собакевич — А.Г.] сердит, что зелени нет. Вспоминал все свои леса. — Сидим мы с ним в гостинице, в карты играем, вдруг он говорит:

— Поедем, брат, в Луизино.

— В какое Луизино? — спрашиваю.

— А в чужую страну.

— А далеко это?

— Близко, — говорит, — сесть на железную дорогу, и готово.

— Помилуй, — сказал я, — да я о такой стране и не слышал!

— А я так слышал.

Вот поди с ним; ведь я три года в уездном училище сидел, дома учился и в офицерáх служил, а о Луизи́не, да еще о том... как его?.. да о Пиренейском полуострове ничего не слышал. Это странно!.....

Завтра едем в Луизино.

17 июля 18** года.

Я в Луизи́не. Оно мне очень нравится. Ну, а Мих<аил> Сем<енович> вечно ворчит... Вот всем хороший человек, а по нем никак не угодить. Да еще на ноги любит наступить. Совсем сегодня одному лузинцу ногу отдал, тот даже взвизгнул!.. Ай, как устал, лучше завтра допишу...

В этом тексте, открывавшем вместе с передовицей новое издание, кратко, но точно обозначен момент пересечения границы между реальностью и миром фантазии. Повествование неслучайно ведется от имени прекраснородушного Манилова, мечтавшего о материализации своей идиллической грезы — о возникновении особого гармонического пространства, расположенного в локусе дивного моста. В миниатюре Платонова сразу же обозначена категориальная типология «Луизина», как варианта утопии, существующей параллельно и совсем рядом с Москвой и Петербургом. Эта область мира фантазии совсем «близко, — ...сесть на железную дорогу, и готово».

В разделе «Фельетон» анонимный автор также демонстративно подчеркивал внутреннюю связь пространства виртуального «Луизина» с созданным Майн-Ридом идеализированным миром американских индейцев. Это было внутреннее сродство двух вариантов «руссоистского мифа». Скрывшись под значимым псевдонимом «В. Дубровский», Платонов из номера в номер печатал свое новое произведение, открыто стилизованное под прозу Майн-Рида и озаглавленное так: «Дон Пабло. Роман из американской жизни».

В «Луизинском Вестнике» был также обширный «Литературный отдел», где публиковались стихи, рассказы и переводы. Один раз этот раздел даже разросся до уровня «Литературного приложения» к газете. Круг его авторов был довольно широк, в их число входили и девочки. Однако этот раздел был наименее самобытен. Большая часть представленных в нем произведений представляла собой зачастую беспомощные подражания «взрослой» литературе, в частности, все той же поэзии «чистого искусства».

В газете присутствовал и «Юмористический отдел», который вел все тот же Сергей Платонов. Значительное количество материалов составляли переводы довольно «тяжеловесных» иностранных анекдотов. Гораздо любопытнее были образчики российского юмора, или списанные редактором раздела с каких-то отечественных изданий, или же созданные им самим:

Объявления

1. Требуется огромных размеров пожарная машина, чтобы она могла быть доставляема по телеграфу во все места обширной российской империи для тушения ее бесчисленных пожаров. Об условиях узнать везде, кроме Луизина.
2. Требуется на фаянсовый завод для расписывания сервизов господин почтенных лет, знающий правописание настолько, чтобы

не писать на чашках эпитафий, подобных следующим: «дарю в день Андела», «когда будишь питчай вспомни обо мне» и т. п.

Как и большинство самодеятельных детских газет и журналов, «Луизинский вестник» был начат с энтузиазмом и творческим задором. Эмоциональный настрой издания определялся восторгом юных горожан перед окружающими их живописными окрестностями, свежестью восприятия прелестей и невзгод дачного бытия. Походы вдоль Старо-петергофского канала, обследование роц и парков Бабигонского холма, купание в прудах и озерах, стычки с деревенскими мальчишками, — все это органично соединялось с чтением приключенческих романов Майн-Рида. В результате всего этого и возникло то «игровое» пространство «луизинского мифа», в которое Сергей Платонов и его друзья погружались во время летних каникул и которое зримо представало на страницах «Луизинского Вестника». Однако дружный порыв к изданию газеты постепенно угасал. Это видно по тому, что в каждом последующем номере всё больше и больше полос оставались не заполненными. Долго держался раздел «Политические события», в котором сообщалось то об очередной вылазке зловредных сидонцев, то о новой экспедиции в дальние области Луизина. Однако и он прекратил свое существование, увеличив количество незаполненных газетных полос. «Последним могиканином» газеты оставался раздел «Фельетон». Издание «Вестника» было полностью прекращено в связи с окончанием дачного сезона 1875 г. и возвращением пятерки луизинцев в Петербург.

Если Георгий Круковский (Пантера) был лидером, главным «вождем» летней компании друзей, то Сергей Платонов (Serge...nt = Сержант) был ее идеологом, летописцем и панегиристом. Именно его перу принадлежат тексты, целью которых было «воскрешение» и поддержание «луизинского мифа» и его идеалов в сознании товарищей в период их безвылазного пребывания в холодном Петербурге и полного погружения в гимназические занятия. Созданные Платоновым зимой 1875 г. «Беседы о Луизино» и миниатюрная приключенческая повесть «В прериях» были призваны поддержать друзей, придавленных реальностью, одолеваемых, используя термин из книги Фр. Ницше «Так говорил Заратустра», Духом Тяжести. В этих произведениях летописец «Serge...nt» силой своего воображения снова отправлял своих товарищей в опасные дебри лесной «тайги» между Луизиной и Сидонией, заставлял их совершить головокружительное путешествие из Кронштадта в Сан-Франциско,

сражаться против кровожадных апахов (апачей) вместе с благородными команчами, пересечь всю Америку и только после всех этих странствий и приключений, полными сил и впечатлений, снова вернуться в реальность холодного январского Петербурга. В конце своей повести автор писал: «Через десяток-другой дней мы видим наших друзей в вагоне поезда, летящего в Чикаго, а через два месяца у В<асилия> Л<аткина> в Петербурге, вспоминающих Америку, Митаками, апахов и все примечательно в прериях. В конец скажу Вам, что все они убедились, что иногда Майн-Рид врёт, но большая часть у него — правда». Таким образом, воскрешая в памяти своих товарищей прелесть луизинской летней утопии, Платонов поддерживал в них силу сопротивления навалившимся на них житейским тяготам, утверждал реальную ценность благородства, верности и чести, лежавших в основе их дружеского союза.

В 1976 г. Платонов тяжело переболел тифом. В «Автобиографической записке» он вспоминал: «Эта болезнь составила грань в моей духовной жизни. До нее я был беззаботным мальчиком; после нее началась серьезная умственная жизнь. У меня образовались новые знакомства, появились новые влияния. До болезни я не чувствовал потребности смотреть вперед и определять свой дальнейший путь; теперь же передо мной, как путеводный маяк, стал университет» [Академическое дело 1929–1931 гг. 1993, 257]. С поступлением Платонова в высшее учебное заведение закончились и его летние каникулы в Луизино, и его роль летописца трудов и дней кампании дачников-гимназистов. Просматривая на пороге перехода к новому этапу жизни свои ранние литературные труды, семнадцатилетний юноша дал им следующую оценку в одном из своих стихотворений [Стихотворения 1874–1875]:

Вместо предисловия

Все это детское, лет прежних увлеченье,
Когда все впечатления новы,
Ребяческого сердца то произведенья,
Без твердой мысли головы.
Что в них?!.. Прекрасного слепое обожанье
И сердцем жизнь, а не умом,
Придуманные детские страданья
В сердечке радостно живом.
Читатель! Не рази насмешливой их речью
За то, что для тебя в них смысла нет, —
А для меня есть смысл и буду их беречь я,
Как память милых детских лет.

Чем же примечателен для понимания научного и человеческого лица академика Платонова сохранившийся «луизинский» цикл его юношеских произведений? Во-первых, в этих текстах видна интенсивная работа их создателя над выработкой принципов художественного изложения прошедших «достоверных» («исторических») событий и создания образов их участников. Во-вторых, и это, может быть, главное, — в этих во многом наивных произведениях четко заявлена интенция автора на включение в нейтральное повествование неперменного критерия — нравственного императива.

Платонов вновь вернулся к своим юношеским творениям при трагических жизненных обстоятельствах. 12 января 1930 г. он был арестован и обвинен в руководстве контрреволюционной организацией «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», которая была «открыта» ОГПУ в 1929 г. в рамках сфабрикованного «Академического дела» [Академическое дело 1929–1931 гг. 1993]. В 1931 г. «следствие по его делу было... уже закончено и в ожидании решения своей участи С. Ф. Платонов занялся в камере в ленинградских „Крестах“ приведением в порядок своего личного архива» [Брачев 1997, 15]. Поведение Платонова в процессе следствия по выдвинутому против него ложному обвинению, его отношение к своим ученикам и коллегам, проходивших с ним по тому же политическому делу, еще раз показало его человеческую порядочность, верность тем нравственным принципам, которые когда-то, давным-давно, на совсем другом временном и возрастном уровне, декларировались и отстаивались дружеским союзом создателей «луизинского мифа». Возможно, что воспоминания о нем также были причиной того, что архивист и источниковед Платонов сохранил как исторический факт документальные свидетельства о кратком существовании рожденной юношеским воображением луизинской утопии.

В *Приложении* по архивным источникам и с исправлением замеченных опечаток публикуются произведения: 1) *Serge...nt* [С. Ф. Платонов]. «Беседы о Луизине». Дата: «21 янв<аря> <18>75 г. 10 ½ часов вечера»; «22 янв<аря> <18>75 г. 9 час<ов> 40 минут утра». Автограф // РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1537. Л. 2—7 об.; 2) *Serge...nt* [С. Ф. Платонов]. «В прериях». Дата: <1875>. Автограф // РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1537. Л. 8—21 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Serge...nt [С. Ф. Платонов]

I.

Беседы о Луизине

В тайге

Беседа I

В 1873 г. я приехал в Луизино и решился исследовать его. Я стал искать случая для путешествия в лес, в южном Луизине, называемом «тайгою». Наконец, два луизинских вождя, Георгий Пантера и еще один, направлялись в «тайгу», чтобы осмотреть ее и узнать, нет ли признаков неприятеля в этой пустынной, мало посещаемой стране... Я решился отправиться с ними, и мы выступили, хорошо вооруженные, в путь. Мое новое оружие, прекрасная винтовка нового устройства, приспособленная к здоровому штыку, и сабля, довольно длинная, — украшали меня. Вожди луизинцев беззаботно подвигались вперед, навстречу опасности. Эта «тайга», о которой я слышал много рассказов, была при том наполнена дикарями, которые под ветвями ее деревьев искали себе пропитания и часто нападали на коренных луизинцев. Но дикие варвары не могли устрашить храбрых луизинских граждан, которые с ружьями в руках прокладывали себе путь на широкую дорогу в рядах пришельцев и гнали их перед собою, как стадо баранов. Теперь вообразите, насколько трое углублялись в страну все дальше и дальше от дому. Меж тем десять — 8 человек не могли нам не показаться навстречу, и, хотя дикари вооружены в несколько раз хуже нас, но тем не менее три на одного слишком много. Итак, мы подвигались по «тайге». Вожди болтали со мною, развлекали меня, но я шел молча, и грустные думы шевелились у меня в голове. Вдруг показалась «тайга», ее деревья неприветливо смотрели на нас и наводили на непривычного тяжелую тоску. — Я все думал, что дело обойдется без боя. Мы подвигались вдоль окраины «тайги», параллельно с ней. Мы дошли до конца ее и хотели уже возвратиться и войти внутрь ее, как вдруг моя кровь остановилась, сердце перестало биться, и я невольно взвел курок: пред нами в опушке «тайги» стали человек 8 с отвратительными лицами и приготовились к бою. Нас отделял от них овраг.

— Смирно, — закричал явственным громким отчетливым голосом Пантера, — не стрелять, приготовься. И он обратился к дикарям.

— Прочь с нашей земли, подлое племя, — закричал он — прочь. Слышите ли вы?

Но тут раздался воинственный крик неприятеля, и камни со свистом пролетели над нашими головами. Тут Пантера кинулся чрез овраг со штыком наперевес.

— Луизино, урра-а-а! — раздалось далеко в воздухе.

... Враги разделились на партии, в середине помещались 6 молодых воинов. По бокам стояли два вождя-великана и ждали нас. Оба луизинца пошли на великанов, а мне осталась молодежь. Помня приказание не стрелять, я обернул ружье штыком и подбежав к переднему, ударил его в грудь, он отскочил, в это время мой приклад стукнул другого; вид крови и крики «Луизино, ура!» опьянили меня, и я щедро сыпал удары. Не знаю, долго ли коротко я дрался, но я не получил ни одной раны, между тем как мои неприятели пострадали, благодаря моему ружью. Вдруг все они бросили оружие и отбежали от меня. Я огляделся. Вожди-великаны были обезоружены, на безоружных сыпались удары штыков. Поражение было полное.

— Довольно, — наконец вскричал Пантера, — вон отсюда, подлецы, прочь, и радуйтесь, что отделались так дешево, слышите, вон, или мы положим вас на месте.

Дикари сплотились в кучу и, не подбирая оружия, удалились из «тайги».

— За ними, — приказал Пантера тихо, — и, если только будут сопротивляться, стреляй в великанов. Ну, вперед!

И мы последовали за ними, держа ружья наготове. Они направились из пределов Луизина и вскоре скрылись между деревьями Сидонии... Мы же, довольные победой, подобрав оружие врага, отправились домой.

— У нас такие стычки не редкость, бывает и по пяти на одного и то враги бегут, — объяснил мне дорогою Пантера.

Итак, читатель, вот какую жизнь ведут луизинцы, и это каждую неделю они встречаются с врагами, нападающими со всех концов на пределы этого маленького, но (л. 5 об.) сильного и благоустроенного государства.

Я почти в то же время участвовал в нападении на границы сидонийцев, соседей Луизина, и таким образом привык к боям,

и мало-помалу втягивался во все интересы луизинской жизни и делался луизинцем.

Может быть, я еще опишу и то нападение, о котором сейчас говорил, но теперь поздно, читатель, пора спать. Прощай или лучше, до свидания.

Serge...nt

21 янв<аря> 75 г.

10 ½ часов вечера

Нападение на Сидонию

Беседа II-я

Вскоре после битвы в «тайге», Георгий Пантера объявил поход на сидонцев. Я не замедлил присоединиться к отряду, и мы двинулись на восток Луизина к Луизинской гряде и, взобравшись на нее, шли по вершинам, выбирая удобное место для нападения. Георгий Пантера и другой, знакомый нам уже вождь, начальствовали над отрядом.

Мы уже прошли все горы и переправились через Каталный канал в низменную часть пограничного с Сидонией Луизина.

— Здесь, — сказал нам Пантера, указывая на границу. В Сидонии прямо перед нами простирался довольно редкий лес, а за ним немного вправо выяснялась деревня. Мы перешли границу, решившись напасть на это поселение, но, хотя и думали, что защитников будет мало, по причине полевых работ, тем не менее держались осторожно, оставив позади свободный путь к мосту и горам. Все было тихо, только животные [1 нрзб] ходили вокруг жилища.

Вдруг пули посыпались на селение, животных, и Пантера с наслаждением смотрел на гибель вражеского достояния... Я тоже выстрелил несколько раз, но мои пули не причинили особого вреда.

Вдруг все, доселе тихое, закричало, заревело, и на наш отряд кинулось огромное ополчение из деревни, с криком и визгом. Сопротивляться было немислимо на чистом месте, и мы, отступив к мосту, заняв его и решившись не отступать, ждали врагов. Вот они у границы, переступают ее и... останавливаются, не решаясь атаковать моста. Пули сыпятся на них, и многие валятся. Они совещаются и мало-помалу начинают отходить, и располагаются у деревни. Мы опять к границе и даже за нее. Враги принуждают нас скрыться в деревне.

— Довольно, ребята, — закричал, наконец, Пантера, — довольно. Мне только это и нужно, чтобы узнать, здесь ли неприятель. Мы их пощипали, у них есть трупов 20, а у нас ни капли крови, ура!

— Ура-а-а-а армия!!! — вскричали солдаты, и отряд весело отправился домой по горам, около границы высматривая врага и изредка посылая пули на землю Сидонскую.

Serge...nt

II.

В прериях

Не думайте, читатель, что я опять начну Вас пичкать луизинскими воспоминаниями, нет, теперь перенеситесь мыслями в Америку и Вы, я в этом уверен, прослушаете мой рассказ терпеливо.

В Северной Америке на востоке от Скалистых гор простирается степь... Это не наша степь с однообразными травами, скорпионами-пестрохвостными [?] и скорпионами-итальянцами [?] ...нет, это — необъятная равнина, на которой местами виднеются леса и обрисовываются холмы, покрытые зеленью и среди этой зелени проглядывают домики с бойницами — это колонии европейцев, смельчаков, которые все дальше и дальше проникают на запад и все более и более теснят бедняков-индейцев. Подымитесь на высоту птичьего полета, взгляните в прерию и вы увидите в одном ее углу на востоке, ближе к городам янки, как борются индейцы против европейцев, видите ли вы, как срываются скальпы с гордого чела сынов пустыни; как звенят серьги, преображенные этими скальпами; видите ли вы, как трещит сухое дерево в блокгаузах янки, как жалобно звучит детский крик ужаса, выпускаемый ребенком, отрываемым от теплого еще трупа матери, и как гордо смотрит индеец на последние капли женской крови, капающей с топора, с какой радостью он смотрит на скаल्प отца того ребенка, который бьется теперь в его мощных руках, и не знает того, что он завтра, может быть, будет пронзен меткою пулею европейца и что брат убитого им сегодня, завтра с радостью снимет с него, гордящегося победой, кожу и покроет ею своего пса... Но довольно. Взгляните теперь на запад к Скалистым горам. Видите ли Вы мирный праздник в индейской деревне по случаю удачной охоты на бизонов. Груды мяса и кучи шкур разбросаны повсюду. Воины с песнями сидят возле костра и

наслаждаются сочным мясом. Девушки, сидя на кровлях (домов) хижин, поют песни или играют на своеобразных инструментах. Все довольны, даже собаки, которые поражены избытком костей и вперегонки между собой лущат их. И все это при свете заходящего солнца, которое благосклонно смотрит на этот пир и как бы остановилось, чтобы дать время индейцам насладиться своим скромным пиршеством.

Удостоите своим вниманием суровый север и там вы увидите нечаянное rendez-vous молодого индейца с серым медведем. Посмотрим, как метко посылает свои стрелы индеец, и как серый мишка гоняется за ним... Вдруг... о, закройте глаза ваши, читатель, чтобы не видеть гибели молодого смельчака, настигнутого медведем. Но успокойтесь, чрез день вы увидите этого же индейца в своей деревне с блестящим ожерельем из зубов серого медведя.

Но слышите ли вы шум выстрелов с юга? Если вы любопытны, взгляните сюда, и вы увидите пятерых молодых людей, отчаянно отбивающихся от толпы апахов, этих волков пустыни.

Наконец-то мы выбились на дорогу, нашли настоящий сюжет для рассказа. Начнем же сначала, скажем, кто эти молодые люди, как они сюда попали и прочее...

В 18... году из Кронштадта вышел американский клипер в Сан-Франциско. Пред самым отъездом к клиперу подъехала шлюпка и привезла на борт пять молодых людей, которые, предъявив билеты и заняв две каюты, отправились с клипером в путь.

Их каюты были неравной величины, и они сделали большую гостиной залой и столовой, а меньшую — спальней, кабинетом, будуаром и диванной. Наконец они собрались вместе поболтать; в это время клипер летел на всех парусах.

— Как мы быстро идем, господа, — сказал старший из них, среднего роста, блондин, ему можно было дать лет 27 и не ошибиться.

— Да, Вася, — сказал низенький молодой человек, лет 23, — я еще не раскаялся с тех пор, как мы отправились в кругосветное путешествие и вполне...

— Разве ты имеешь обыкновение раскаиваться во всем, что не предпринимаешь, Петя? — сказал высокий молодой человек в очках...

— Если ты будешь всегда так весел, как сегодня, то нам не будет скучно, Сережа, — сказал Василий. Мы будем его называть Латкин потому, что в кампании был другой Василий — Круковской.

Пора нам назвать своих героев по имени.

Старший — Василий Николаевич Латкин.

За ним следовал Сергей Федорович Платонов — его можно отлично узнать по очкам.

Дальше Петр Павлович Рубцов, — низенький человек, любитель моря.

Потом — два брата: Василий и Георгий Круковские. Вот вся кампания пред Вами, читатель, прошу помнить всех, да не смешивать.

— Господа, — возобновил разговор Сергей, — из-за пустяков мы поехали в Америку, решили проехать ее поперек, чтобы узнать, правда ли, что пишут о индейцах, этих несчастных творениях, и для этого я потратил половину моих денег.

— А я — все, — сказал лаконически Петр.

— Не возьмем ли мы проводников в Сан-Франциско — спросил Василий Латкин.

— Нет, нет, нет! — вскричало три голоса, — Мы хотели испытать все опасности диких стран.

Василий Л<аткин> и Сергей переглянулись (они были большие друзья).

— Ну не даром же мы с тобою запаслись несколькими двустолками, [2 нрзб] и пистолетами, — сказал В<асилий> Л<аткин>, и с этими словами он принес из малой каюты свое оружие и оружие Сергея. Великолепные ружья в 2 аршина длины играли своими стволами на лучах солнца. Эти ружья могли делать по 20 выстрелов в минуту и отличались дальностью и прямоотой полета и тем, что у них пули были конические и очень маленькие, но они действовали вернее больших. Револьверы систем Кольта известны всем. Между тем остальные молодые люди тоже говорили об оружии и вынесли свои ружья. Их оружие было совсем другое, чем у тех, короткие двустолки с широкими стволами, действовали по 25 раз в минуту; револьверчики маленькие, почти игрушки, и сабли довершали их вооружение. Каждый хвалил свое оружие, и они бы поссорились, если бы узы дружбы не напомнили о себе. Но что описывать сухое путешествие...

Довольно будет сказать, что они после сравнительно скорого и благополучного плавания приехали в Сан-Франциско. Купив лошадей, мустангов, они с любопытством их осмотрели и реши-

ли, что они лучше всех описаний. Запасшись всем необходимым и взяв-таки одного проводника, друзья через три дня были уже на дороге в Апахерию. Едут они день, любуясь природою и записывая все, чтобы не выходило разногласий. Начальником экспедиции выбран был единогласно В<асилий> Л<аткин>. Все было тихо на шестой день путешествия, уже время подходило к вечеру, то ни ехали по долине, справа был лес, а влево виден был холм, на котором виднелись развалины крепости, когда-то разрушенной индейцами.

Проводник ехал молча и изредка поглядывал то к лесу, неизмеримо простиравшемуся вдаль, то на кусты, покрывавшие пригорки. Молодые люди тоже смотрели, но не на лес, а на степь. Картина была великолепная. Солнце медленно скрывало свое лицо за травой; теперь только одно чело его смотрело весело на путников, но не все любовались закатом солнца... Сергей наблюдал за проводником и шупал свои пистолеты. Поведение этого было странно: он смотрел пытливо и пасмурно-скучно на лес и копался на седле, вдруг он нечаянно (для Сергея это не показалось нечаянным) задел за курок ружья, и оно выстрелило. В это же время из лесу раздался ужасный рев и человек 75 краснокожих поскакали к путешественникам. Проводник неожиданно пустил лошадь в галоп и поскакал навстречу к ним, подъехал уже близко к ним, вдруг грянул выстрел и тот свалился с лошади. Это выстрелил Сергей.

— Скорей, туда, на пригорок к бойницам, — раздался крик, и лошади во весь дух летят к кустам. Индейцы за ними, и стрелы свищут мимо русских. Но они уже на пригорке и влетели в четырехугольное каменное здание без крыши, обгорелое, но с крепкими стенами, это была, по-видимому, крепостца. В ней было одно отверстие вроде проломанной двери и в других трех стенах по две узких бойницы.

— Ура! — закричали молодцы, спешиваясь, — Вот они, милые, и апахи.

— Лошадей под стены, у диких есть ружья и стрелы, — закричал Петр, и в это самое время посыпались стрелы и пули.

— Я буду у дверей, — закричал Георгий и с оружием наготове направился к отверстию. Вдруг оттуда высунулась голова индейца и сейчас же скрылась. Индейцы стали вокруг здания и скрылись в кустах. В здании никто не говорил ни слова, все понимали опасность и были возбуждены. Каждый избрал себе пост и расположился на нем. Василий Латкин прислонился к стене и стал наблюдать за лошадьми. Ночь спускалась, становилось темно.

В здании кой-где валялись обгорелые бревна, и русские захотели зажечь костер, в чем преуспели. Пламя запылало, и сейчас же крик индейцев раздался повсюду. Посыпались пули, и индейцы кинулись на приступ. Нужно сказать, что отверстие было завалено бревнами и из-за них торчали 4 ствола. Индейцы с томагавками толпой кинулись на них. В одну минуту 4 из них пали, еще четыре — чрез 3 секунды, и индейцы отхлынули. Из бойниц тоже сыпались пули в индейцев. И там они были отражены. После нападения настала тишина... Из укрепления выползла фигура, приблизилась к одному из трупов, приподняла его и пошла с ним назад, раздался выстрел из кустов, но попал в труп, которым закрылся Георгий (это был он). Он вошел в укрепление и положил труп возле огня. Убитый был человек средних лет, высокого роста, правая рука его судорожно сжала томагавк, разукрашенный бисером и блестками. Лицо его было спокойно, лишь одна морщинка около рта выказывала сдержанные с трудом страдания; высокий лоб и волосы, связанные в пук на темени, придавали лицу дикое и вместе с тем величественное выражение. Как раз посреди груди была круглая дыра, и из нее сочились остатки крови. Индеец, очевидно, зажал пальцами левой руки рану, но теперь палец съехал с самой раны и конвульсивно вдавился в мощную когда-то грудь индейца. Наши друзья смотрели на него с таким чувством, которого невозможно описать.

— Какой тип храбрости и лукавства вместе, — сказал В<асилий> Кру<ковской>.

Насмотревшись на него, они вспомнили, что не худо бы было снять с него портрет, и художник Петр принялся при свете костра за это дело. В это время все сделалось светлее, и русские скоро сами увидели, что все, что могло гореть близ их укрепления, горело. Дикие зажгли все с намерением устроить европейцев. А у тех ни капли воды и куска хлеба, ни клочка сена для лошадей. Они все молча заняли прежние места и приготовлялись к защите... Прошло 10 минут, все было тихо, только слышен был треск огня, и головни летели чрез укрепление или попадали в него. Вдруг одно громадное полено треснуло в костре и раскидало его. Все смотрели на это с затаенным страхом и когда немного поуспокоились от этого, как сразу все вскрикнули: в середине укрепления стоял молодой индеец с ружьем, обороченным вверх прикладом, и с рукой, поднятой в знак мира ладонью кверху; он смотрел так прямо, так откровенно, что никто не сомневался в его правоте и никто не стрелял; только В<асилий> Л<аткин> подошел к нему и ждал его слова.

— Брат мой может успокоиться, Митакоми — команч и правдив; я не пришел воевать с белыми, нет, Митакоми услышал крик апахов, и пришел сюда, — сказал, наконец, индеец на английском языке.

— Но как же мой друг и брат пришел сюда, — спросил его В<асилий> Л<аткин> на том же языке.

— Отверстия, в которые смотрели чудные ружья белолицых, могут пропустить такого вождя как Митакоми.

В это время индеец осмотрелся и, как ни старался, а не смог скрыть своего удивления.

— Ооах, а где же остальные орленки? — спросил он.

— Мы все тут, — ответил ему В<асилий> Л<аткин>.

— Но столько пуль нельзя никому послать в такое малое время, кроме 15 человек.

Вместо ответа В<асилий> Л<аткин> подал ему свое ружье. Индеец схватил его с жадностью, устройство его, невиданное еще сынами пустыни, возбудило в нем сильнейшее любопытство. А когда ему показали, как с ним обращаться, то он с удовольствием выстрелил в куст, при чем оттуда послышался предсмертный крик одного апаха.

Он, видимо, с сожалением расстался с ружьем, когда его взял В<асилий> Л<аткин>, и всё еще смотря на него, сказал:

— Если мои братья хотят, то пусть скажут, и мои молодцы нападут на баб-апахов, и тогда степь будет свободна, и мои молодцы проводят их до большого города янки.

— О, мой брат, если это будет сделано, то я отблагодарю Вас от всех моих товарищей, — сказал ему В<асилий> Л<аткин>.

— Это будет сделано, — ответил лаконически индеец.

— Когда так, то примите от меня этот подарок, — и при этих словах В<асилий> Л<аткин> подал ружье и патронташ пораженному индейцу и вместо них взял у него его отличное тоже, но простое ружье.

— О, — только мог выговорить индеец от радости, — мои молодцы будут здесь, — и он исчез через амбразуру также как и пришел.

Путешественники ободрились и, узнав, что уже 2-й час ночи, поставили двух на стражу, а трое улеглись. Пожар стихнул, и все вокруг почернело. Как только расцвело, индейцы двинулись на приступ, надежда уже потухла в сердцах храбрых юношей, и они уныло опять заняли свои посты. Опять заваленный вход пропускал через себя 4 дула, но бойницы были накрепко заткнуты головешками,

кроме одной, у которой и стоял Сергей. Между тем, пули из кустов сыпались в дом, и в траве что-то шелестело. Осажденные били в те места, где, они думали, находятся индейцы и попадали иногда. Но индейцы изобрели новый способ вредить осажденным: из травы и из-за кустов вылетали, как птички, стрелы, попадали наверно в блокгауз и втыкались в землю, в бревна или перелетали чрез путешественников без вреда. Но перестрелка кончилась, индейцы, как видно, захотели покончить с осажденными и толпою кинулись на дверь. В толпе было человек тридцать пять. 12 из них пало, не добжав до двери, но, когда они были шагов в 20 от нее, два верхних бревна отскочили, и из-за них показалось 4 решительных лица с саблями и пистолетами. Я говорю, их было четыре, Сергея не было между ними, он наблюдал за внутренностью укрепления. Выстрелы, свист томагавков, сабель, ножей, сливались в одно целое и чрез несколько минут Юрий был ранен, положив прежде 4-х индейцев, остальные же индейцы отошли шагов на тридцать; доски раскрылись, но из-за них уже не смотрели 4 дула. Почему же это? Сергей не участвовал в битве, а когда его товарищи, отбив врага, обернулись к нему, усталые, окровавленные, они увидели его среди 50 индейцев, красивых, стоявших с ружьями в руках и томагавками за поясом, он разговаривал с возвратившимся Митакоми. Чрез пять минут апахи призвали резервы (их теперь было около 60) и двинулись на второй приступ, но теперь бревна, завалившие дверь, исчезли, а вместо них вылетела толпа храбрых команчей и кинулась на оторопевших апахов, и пошла резня... В это же самое время на апахов посыпались выстрелы. К тому же и запасные команчи встретили их бегущих.

Я не буду рассказывать про битву, скажу только, что к полудню не осталось ни одного апаха. А команчи же потеряли немного воинов и теперь, все обвешанные скальпами, пировали победу над врагом. Митакоми был доволен больше всех, он получил другое, короткое ружье, и широкий, обоюдоострый, очень длинный нож Сергея.

Он сидел на траве посреди наших друзей, угощал их и угощался сам. Все было вполне довольно.

Чрез десяток-другой дней мы видим наших друзей в вагоне поезда, летящего в Чикаго, а чрез два месяца у В<асилия> Л<аткина> в Петербурге, вспоминающих Америку, Митакоми, апахов и все

примечательное в прериях. В конец скажу Вам, что все они убедились, что иногда Майн-Рид врет, но большая часть у него — правда.

До свидания.

Serge...nt

Примечания

¹ Далее цитируется в тексте по этому автографу.

Литература

Источники

Луизинский Вестник — Платонов С. Ф. «Луизинский Вестник». Политическая и литературная газета и «Приложение» к ней. Август-сентябрь 1875. Автограф // РО РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1536. 24 лл.

Стихотворения 1874-1875 — Платонов С. Ф. «Год 1874-ый и начало 1875-го. Остатки моих детских стихотворений». Автограф // РО РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1534. 6 лл.

Стихотворения 1874—1876 — Платонов С. Ф. «Избранные пьесы из стихотворений псевдонима Serge. . . nt / Годы 1874-1875 и 1876 / Изданы С.Ф. Платоновым / СПб., 1876 года». Автограф. <1874—1876> // РО РНБ, Ф. 585. Ед. хр. 1533. 26 лл.

Исследования

Академическое дело 1929–1931 гг. 1993 — Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова: Документы и материалы следств. дела, сфабриков. ОГПУ. СПб.: Б-ка Рос. акад. наук, 1993.

Брачев 1997 — Брачев В. С. Русский историк С. Ф. Платонов: Ученый. Педагог. Человек. СПб.: Нестор, 1997.

Гусаров 2017 — Гусаров А. Ю. Юго-западные предместья Петербурга: история, архитектура, дачная жизнь. СПб.: Паритет, 2017 [доп. тираж].

Мамонова 2002 — Стихи и эпиграммы С. Ф. Платонова / публ. подг. М. А. Мамонова // Мир историка. XX век / под ред. А. Н. Сахарова. М.: Ин-т рос. истории, 2002. С. 445—446.

Шмидт 2010 — Шмидт С. О. Историк С. Ф. Платонов — ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения). М.: 2010.

References

- Akademicheskoe delo 1929—1931 gg. 1993* — Akademicheskoe delo 1929—1931 gg. (1993). [Academic Affairs 1929—1931. Issue. 1: The case against Academician S. F. Platonova: Documents and materials of investigations. business, factories. OGPU]. Vol. 1: Delo po obvineniyu akademika S. F. Platonova: Dokumenty i materialy sledstv. dela, sfabrikov. OGPU. Saint-Petersburg: B-ka Ros. akad. nauk.
- Brachev 1997* — Brachev, V. S. (1997). Russkij istorik S. F. Platonov. Uchenyj. Pedagog. Chelovek. [Russian historian S. F. Platonov. Scientist. Teacher. Human]. Saint-Petersburg: Nestor.
- Gusarov 2017* — Gusarov, A. Y. (2017). Yugo-zapadnye predmest'ya Peterburga. Istoriya. Arhitektura. Dachnaya zhizn'. [Southwestern suburbs of St. Petersburg. History. Architecture. Country life] (additional ed.). Saint-Petersburg: Paritet.
- Mamonova 2002* — Mamonova, M. A. (2002). Stihi i epigrammy S. F. Platonova [Poems and epigrams by S. F. Platonov]. In Saharov A. N. (Ed.) Mir istorika. XX vek [Historian's World. XX century] (pp. 445—446). Moscow.
- Schmidt 2010* — Schmidt, S. O. (2010). Istorik S. F. Platonov — uchenyj i pedagog (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya) [Historian S. F. Platonov — scientist and teacher. To the 150th anniversary of his birth]. Moscow.

Alla M. Gracheva

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-4708-098X

ON THE EXTRAORDINARY ADVENTURES OF THE NOBLE CHIEFS PANTHER, SERGEANT, AND THEIR FRIENDS IN THE LUISINO MOUNTAINS, THE WOODS OF SIDONIA, AND THE AMERICAN PRAIRIES: CHILDREN'S PROSE OF ACADEMICIAN SERGEY F. PLATONOV

The article considers the complex of prose works preserved in the personal archive of Platonov (RNL), which were written when the future academician was studying in the senior classes of the gymnasium. The focus is on the so-called "Louisino cycle", created by Platonov in 1873–1875. The works of this cycle (issues of the self-made newspaper "Louisino Vestnik", two essays "Conversations about Luisino" and a miniature story "On the Prairie") are connected with Platonov's summer stay at the dacha in Luisino village near St. Petersburg. The article concludes that the "Louisino myth" created by teenagers was a variant of the "myth in the style of Rousseau" about the life of a natural person who is in harmony with nature.

Keywords: Academician Sergey Platonov, Thomas Mine-Reid, russian children's literature, journalism, adventure prose